

Глава 73. Суд Круглого стола

Пока люди бежали к нему, Ли Цзяньчуань успел бросить на них быстрый, цепкий взгляд. Ни у кого из них не хватало двух пальцев на правой руке, и это принесло мимолетное облегчение — по крайней мере, в непосредственной близости других игроков пока не наблюдалось.

— Скорее!

— Кругом битое стекло, аккуратнее!

Мужчина, не подавая виду, спрятал правую руку в широкий рукав рабочей куртки. Несколько санитаров осторожно переложили его на носилки и потащили к выходу, попутно подключая к нему различные датчики и приборы.

Двое полицейских следовали по пятам. Тот самый детектив средних лет, что кричал раньше, продолжал разглагольствовать:

— Господин Лаун, серийные убийства на Тюльпановой авеню — приоритетное дело для управления, мы обязательно добьемся справедливости. Вам не стоит уподобляться этой радикальной молодежи и выражать протест такими крайними мерами. Ваш сын всё еще в больнице, его психика крайне нестабильна, ему нужен ваш уход... Вы должны думать о будущем...

Ли Цзяньчуань, чье лицо было залито кровью, выглядел по-настоящему жутко. Он держал глаза полуприкрытыми и хранил молчание.

В текущей ситуации он был совершенно дезориентирован и к тому же ощущал невидимую угрозу смерти, таящуюся где-то поблизости. Пока обстановка не прояснится, лучше помалкивать.

— Спасли! Он весь в крови!

— Это господин Лаун?

— Он жив!

Стоило носилкам показаться из дверей здания, как Ли Цзяньчуаня ослепил каскад вспышек.

Он притворно-болезненно вскинул руку, закрывая лицо, и под этим прикрытием быстро огляделся. К его удивлению, площадь перед небоскребом была буквально забита народом. Повсюду сновали репортеры и просто любопытные зеваки. Пресса буквально кипела от праведного гнева, а объективы телекамер едва не тыкались ему в лицо.

— Детектив Боб! Что вы думаете о попытке самоубийства отца одной из жертв в знак протеста против освобождения убийцы под залог? Продолжит ли полиция покровительствовать преступнику?

— Правда ли, что в деле об убийствах на Тюльпановой улице недостаточно улик, или же кто-то намеренно покрывает виновного?

— Детектив Боб!

Десятки журналистов с микрофонами наперевес окружили их плотным кольцом. Вопросы сыпались градом — агрессивные, провокационные, полные ядовитых намеков.

Пожилой полицейский с трудом сдерживал ярость:

— Прошу разойтись! Все детали и результаты расследования будут оглашены на пресс-конференции через неделю. Не верьте слухам! Кроме того, господин Салливан является лишь подозреваемым, доказательств его вины недостаточно для приговора. Называть его убийцей преждевременно!

В этом хаосе Ли Цзяньчуань услышал имя, которое выбрал сам.

Салливан.

Судя по словам полицейского, обладатель этого имени — тот самый богатый наследник, подозреваемый в серийных убийствах.

Благодаря короткой стычке детектива с прессой и реакции спасателей, мужчина смог быстро набросать в уме картину своей нынешней личности.

Согласно газете, которую он читал за Круглым столом, богач Салливан был главным подозреваемым в деле об убийствах на Тюльпановой улице, но недавно его выпустили под залог.

Его нынешнее воплощение, Лаун, скорее всего, является родственником одной из жертв. Учитывая слова Боба о сыне в больнице, старик — отец единственного выжившего. Его «попытка самоубийства» на крыше выглядела как акт отчаяния и протест против бездействия властей.

Однако Ли Цзяньчуань сильно сомневался, что всё было именно так.

Он не верил, что кунжутное масло на карнизе крыши появилось само собой.

— Пропустите! Господину Лауну нужна медицинская помощь!

Санитары с боем пробили путь сквозь толпу обезумевших репортеров и затолкнули носилки в машину скорой помощи, которая тут же с сиреной помчалась в сторону Первой больницы города Мейн.

Спустя несколько часов

Раны Ли Цзяньчуаня обработали, и его перевели в пустую палату. Хотя он выглядел так, будто прошел через мясорубку, большинство повреждений оказались лишь поверхностными порезами. Seriously пострадали только руки и голова, принявшие на себя удар оконного стекла. Врач кропотливо извлек все осколки и наложил несколько слоев стерильной марли. Отсутствие двух пальцев на правой руке пациент предусмотрительно замаскировал под свежие травмы, якобы полученные при падении.

Пока он был в операционной, его мысли постоянно возвращались к связи между этой игрой и раундами Суда.

Один момент беспокоил его больше всего.

Внешне он сейчас полностью отличался от своего истинного облика Прокурора, но всё равно мог использовать свою реальную физическую силу. Когда-то давно, собирая информацию о «Пандоре», Ли узнал, что в игру входит лишь сознание, а не физическое тело.

«Тогда почему я чувствую полный контроль над мышцами и рефлексам, как в реальности?»

Этот вопрос он хранил в самой глубине своей души с самого начала.

В первом раунде, находясь в шкафу, он, вероятно, примерил на себя личность Дэнни, и тогда его сила тоже была при нем. Теперь он стал Лауном, получил три жизни — три шанса на смену личности — и его возможности всё ещё не были ограничены телом немощного старика.

Более того, «истинной личностью», которую определил Круглый стол, был его статус в игре — Прокурор.

Что это значило?

Если считать облик, который дается игроку в начале каждой партии, «первичной личностью», то в этом раунде Круглый стол надевает на неё «верхнюю одежду» — вторую личность.

Как этот Лаун.

Похоже, такая маскировка помогала искать улики, но в то же время накладывала массу ограничений. Истинная цель подобных метаморфоз пока ускользала от понимания.

Это также объясняло, почему его прикосновения к крови или красным предметам не вызывали нарушений Закона. Если Закон действует на первичную личность, а сейчас он в «верхней одежде», то контакт маскировки с запретным объектом не считается нарушением.

В первом раунде он был психиатром Дэни в спальне, а в ванной и гостиной — Прокурором, но нельзя было с уверенностью сказать, что тело Прокурора в тот момент было идентично его телу за Круглым столом.

Впрочем, всё это были лишь догадки, требующие проверки.

Процесс постоянного выдвижения теорий, логических построений и их последующего опровержения никогда не был сильной стороной Ли Цзяньчуаня. Однако после обучения в частной школе Фэнчэн и опыта первого раунда он уже не чувствовал себя таким беспомощным, как вначале.

Он откинулся на подушки и хмуро уставился на свои забинтованные руки. Между его бровей залегла глубокая складка.

— Черт!

Дверь в палату с грохотом распахнулась.

Ворвался детектив Боб. Он сжимал в руке мобильный телефон; лицо его побагровело от гнева — было очевидно, что он только что закончил тяжелый разговор на повышенных тонах.

Ли Цзяньчуань притворно-слабо приоткрыл глаза и прохрипел:

— Господин Боб...

Детектив подошел к кровати, выглядя совершенно измотанным. Он достал блокнот и посмотрел на пациента сложным, тяжелым взглядом:

— Господин Лаун, ваш поступок в определенной степени является нарушением общественного

порядка, мы имеем право задержать вас. Но учитывая ваши травмы и неясную обстановку, пока ограничимся протоколом... Надеюсь на вашу честность.

Отвечать на вопросы честно Ли не мог при всем желании — он сам понятия не имел, что именно произошло с Лауном. Поэтому на все расспросы Боба он лишь изображал растерянного, убитого горем старика, безучастно качал головой и бормотал что-то невнятное.

Терпение детектива явно подходило к концу.

— Ладно... Господин Лаун, объясните мне только одно: как вы умудрились свалиться с крыши на тридцать второй этаж?

Тот в упор смотрел на пациента:

— Я отчетливо помню, что ваш транспарант изначально появился на самой крыше. Окно на тридцать втором этаже было разбито ударом снаружи внутрь. Между ним и краем крыши — приличное расстояние. Как вы там оказались? И не плетите мне чепухи, господин Лаун, мы оба знаем, что вы не Человек-паук.

Полицейский с силой ткнул ручкой в блокнот.

В трюк, который Ли проделал на стене здания, обычный человек не поверил бы, даже если бы он сказал правду. Поэтому он лишь беспомощно приоткрыл рот:

— Я начал падать... и просто изо всех сил дернулся... а потом врезался в стекло. Офицер, я и сам не понял, как это вышло...

Боб буравил его острым, испытующим взглядом, словно пытаясь просветить его насквозь и найти крупную лжи. Обычного человека такой взор заставлял бы содрогнуться от ужаса.

Но агент Ли, годами носивший чужие личины, не почувствовал ровным счетом ничего. На его испещренном морщинами лице читались лишь подавленность и страх; в глубине глаз застыл ужас пережитого падения. Он безупречно играл роль чудом спасшегося старика.

Наконец Боб отвел взгляд. Он потер переносицу и уже собирался уйти, когда Ли его окликнул.

— Господин Боб, — пробормотал старик с робкой надеждой, — я бы хотел повидаться с сыном.

Ли Цзяньчуань пошел на этот шаг осознанно. Хотя поиски улики неминуемо вели к опасности, бездействие было ещё губительнее. Слова «Демон совсем рядом» и «Коса Смерти у твоего горла» ясно давали понять — тень гибели уже накрыла его.

К тому же этот раунд явно не был рассчитан на то, что игроки просто отсилятся восемь часов в безопасности. Без расследования и поиска истины из этого мира не выбраться. Те восемь часов, что отведены снаружи, здесь, за Дверью правосудия, могли растянуться на неделю. Ли понял это, как только Боб упомянул пресс-конференцию через семь дней.

Сидеть и ждать смерти было нельзя. А значит, нужно использовать эту личность по максимуму и встретиться с Андре — единственным выжившим свидетелем.

Боб колебался:

— Ваши раны...

— Всё в порядке, господин Боб. Могу я поехать в кресле-каталке? — поспешно добавил старик.

Детектив, похоже, ожидал этой просьбы. Он нахмурился, позвал молодую медсестру, и вдвоем они помогли Ли пересест в кресло. Лифт поднял их на самый верхний этаж — в отделение психиатрии.

Похоже, отец и сын лежали в одной больнице.

Здесь было гораздо тише и пустынное, чем в хирургии. Белоснежные коридоры с рядами закрытых дверей тонули в резком запахе антисептика.

В палате под номером 101 Ли Цзяньчуань увидел мужчину лет тридцати с короткими каштановыми волосами. Его некогда сильное, атлетичное тело теперь выглядело болезненно истощенным. Мужчина сидел, скрючившись, у окна, забранного прочной решеткой. Его широко распахнутые глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит; всё лицо было напряжено, а кожа блестела от обильного пота. Казалось, он пребывает в плену бесконечной агонии.

Больничная пижама на нем была насквозь мокрой. Внезапно он вскинул дрожащие руки, закрывая лицо, и из его горла вырвался бессвязный, утробный хрип — так кричит загнанный в клетку зверь.

Ли Цзяньчуань наблюдал за ним сквозь прутья решетки. Его взгляд быстро скользнул по палате, задержавшись на пустой кровати. В голове зашевелились подозрения.

— Лечащий врач Андре говорит, что его состояние ухудшается, — прошептала медсестра, с жалостью глядя на старика в кресле. — Первая больница города Мейн больше не может обеспечить ему необходимое лечение. Врачи рекомендуют перевести его в частную специализированную клинику или в одну из крупных столичных больниц.

Психиатрическое лечение — процесс долгий, требующий колоссального терпения и ещё более колоссальных денег.

Денег, которых у семьи Лаун не было. Обычный водитель и простой рабочий не могли потянуть такие расходы.

Теперь Ли Цзяньчуань знал имя своего «сына». И это имя — Андре — так же, как Лаун, Боб и Салливан, значилось в списке подозреваемых.

— Андре... — негромко позвал Ли.

Сдавленный хрип в палате мгновенно смолк.

Мужчина резко вскинул голову. Пот градом катился по его лицу, заливая безумные глаза. Зрачки его сузились до размеров игольного ушка. Он смотрел на Ли Цзяньчуаня, но взгляд его был расфокусированным. Тело пациента начало мелко биться в конвульсиях.

— Нет... не убивай меня... не надо! Не убивай... А-а-а!

— Андре! — Ли Цзяньчуань вскрикнул в притворном отчаянии, пытаясь приподняться из кресла.

Врачи и медсестры тут же ворвались в палату, привычно принимаясь успокаивать пациента. Один из докторов с сочувствием посмотрел на Ли:

— Господин Лаун, вы всё ещё против того, чтобы мы ввели ему успокоительное? Его состояние критическое, обычные методы больше не действуют.

Тот запрещал колоть сыну седативные? Ли Цзяньчуань почувствовал укол сомнения, но на его лице отразилось лишь смятение. Он неопределенно качнул головой, словно скрывая какую-то тайну, и с тревогой посмотрел на бьющегося в руках санитаров Андре.

Реакция пациента была странной. Но сейчас Ли не мог ничего у него выпытать — мужчина был в гораздо более тяжелом состоянии, чем можно было предположить. Похоже, он не узнавал даже собственного отца.

— Он сейчас слишком нестабилен, господин Лаун, — мягко сказал детектив Боб. — Нам лучше уйти.

Ли Цзяньчуань прекрасно понимал состояние собеседника. Судя по наглости прессы, полицейский был под колоссальным давлением. Единственный выживший свидетель сошел с ума, улики нет, а подозреваемый на свободе.

— Простите за беспокойство, господин Боб, — старик бессильно кивнул.

Его отвезли обратно. Детектив перебросился с ним парой фраз и поспешно ушел по делам.

Снаружи едва начало светать. Ли включил телевизор, висящий на стене, и настроил его на канал местных новостей. Там всюду мусолили тему убийств на Тюльпановой улице и «самоубийство» Лауна. Кадры ночной съемки были зернистыми и темными — в тот час видимость была почти нулевой.

Диктор вещал, что Лаун посреди ночи обзвонил редакции крупнейших СМИ, заявив, что собирается покончить с собой, чтобы добиться справедливости для сына. В прямом эфире он обвинял полицию в продажности и попрании закона, после чего развернул красный транспарант на крыше самого высокого бизнес-центра города.

На пленке нельзя было разобрать фигуру старика, только яркое пятно ткани. Видно было, как к зданию стягиваются экстренные службы. А вскоре после того, как полицейские вошли внутрь, раздался грохот разбитого стекла, толпа внизу в ужасе бросилась врассыпную, и объектив камеры судорожно дернулся вслед за чем-то падающим.

Ли Цзяньчуань смотрел на экран, и в его душе росло недоверие. В этой истории всё было шито белыми нитками.

Как обычный рабочий смог беспрепятственно пробраться на охраняемую крышу в центре города? И самое главное: кто разлил масло на карнизе? Сам Лаун или кто-то, кто жаждал его смерти? Кому была выгодна гибель старика?

Вопросов становилось всё больше. Ли устало прикрыл глаза, намереваясь немного вздремнуть.

В этот момент вошел санитар. Он поставил на столик поднос с нехитрым завтраком: сэндвич и миска рисовой каши. Тот предложил помочь с едой, но Ли жестом отказался.

Прежде чем притронуться к еде, он осторожно принялся. Не заметив ничего подозрительного, он начал медленно есть. Несмотря на внешнее спокойствие, мужчина был натянутым, как струна. Его чувства были обострены до предела: любой шорох в коридоре заставлял его внутренне сжаться.

Он лениво зачерпнул ложку каши, завязывая разговор с простоватым на вид санитаром — он хотел разузнать побольше об Андрее. Но едва проглотив первую порцию, Ли почувствовал, как его желудок обожгло невыносимой, огненной болью.

Он резко выпрямился, его тело выгнулось дугой.

— А-ах!

Санитар в ужасе закричал.

Миска перевернулась, каша залила одеяло. Короткий хрип застрял в горле, и мир перед глазами Ли Цзяньчуаня мгновенно провалился в бездну.

Во тьме вспыхнули ледяные строки:

[Оставшееся количество возрождений: 2]

Боль была невыносимо реальной.

Когда Ли Цзяньчуань снова пришел в себя, он первым делом схватился за живот и подскочил на кровати. Пот мгновенно пропитал одежду. Потребовалось несколько секунд, чтобы шок прошел.

Его зрачки сфокусировались на тающих в воздухе буквах. Сердцебиение постепенно выравнивалось.

«...Мать твою!» — Ли хрипло выдохнул.

Когда надпись окончательно исчезла, он с яростью ударил кулаком по тощему матрасу. В его глазах пылала ледяная, беспощадная решимость.

Яд в каше. Без вкуса и запаха. Смерть наступила мгновенно.

«...Кто это был?»

<http://bllate.org/book/15871/1505798>